

Весной 2021 года была завершена последняя книга «Хроники жизни и творчества А. С. Пушкина». Закончилась основная работа многих последних лет, и возникло ощущение опустошенности – что же дальше? – Пушкин умер. Через некоторое время понял, что не всё сказано. В течение работы над «Хроникой», к ее концу, я уже «жил» вместе с Пушкиным. Но это не могло войти в строгое научное издание. Так появились «иллюстрации» к отдельным дням его жизни.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Бряканье колокольчика то ли снилось, то ли слышалось.
Глухой удар – колокольчик забился резко...
Скрип ворот...
Кто?! Вдруг разрешение?! Нет, ночью не поедут. Но – кто?!
Отбросил одеяло, вскочил.
Который час? Глаз выколи.
Колокольчик прогремел мимо крыльца и замолк.
Натыкаясь на стол и кресло, как был, в одной рубашке, босиком, кинулся к двери...
в коридор... Наружная дверь не поддавалась, забитая снегом.
Ругаясь, уперся в дверь плечом, и она сдвинулась, сгребая на крыльце сугроб.
Ветер ударил в лицо колким снегом.
Из саней вывалился кто-то большой и, проваливаясь в снегу, бежал к крыльцу.
Проклятая темнота! Кто же это?
– Пуцин! – крикнул – звуки застряли в горле. Хлынули слезы. Бросился навстречу,
но Пуцин успел добежать до крыльца и подхватить его.

Дверь камеры отворилась, и вошел дежурный унтер-офицер.
– Есть здесь Иван Иванович?
– Есть, – откликнулся незнакомый ему мужчина. «Это – из тех, что сегодня привезли», – понял унтер-офицер.
– Извольте выйти на двор!
– Зачем?
– Надобно!
Надел арестантскую свою шинель, натянул шапку и рукавицы и, гремя кандалами, пошел за унтер-офицером. Оставшиеся в камере, молча, проводили их взглядами.
Вышли на крыльцо.
– Спрашивают вас.
– Кто?
Двор, заваленный снегом, был пуст.
– Вон, – унтер-офицер неопределенно махнул рукой.
– Иван Иванович, – послышался женский голос.
Оглянулся на сопровождавшего. Тот молчал.
Сошел с крыльца и, загребая снег кандалами, пошел на голос. Сквозь щели в частоколе разглядел женскую фигуру. Невозможно было узнать, кто это.
– Здравствуйте, сударыня!
– Здравствуйте! Вот, Иван Иванович, просили обязательно вам передать.

– Спасибо! – стянул рукавицу, чтобы взять листок, просунутый между лесин.
– Прощайте! – женщина быстро пошла прочь. Посмотрел в щель ей вслед, и что-то знакомое показалось в ее фигуре. «Не Муравьева ли?»

Стянул вторую рукавицу, сунул обе в карманы шинели и развернул сложенный листок.

Он не помнил уже, когда плакал в последний раз и плакал ли вообще, выйдя из детских лет.

Слезы катились по давно не бритым щекам, застывая на морозе.

*Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.*

Закусил губу, чтобы не разрыдаться.

*Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!*

Перечитал несколько раз. Успокоившись, расстегнул шинель и убрал листок глубоко в карман арестантской куртки, проверил, чтобы никуда не выпал. Глубоко вдохнул морозный воздух, смахнул остатки слез, натянул рукавицы и пошел к каземату.

Унтер-офицер стоял на крыльце и смотрел на него.

Гремя кандалами, вошел на крыльцо, остановился.

– Спасибо, братец! Господом Богом это тебе зачтется.

Кое-как сбив снег с башмаков, Пущин толкнул дверь и вошел в каземат.

Над Россией мело. Снег сыпался на Михайловское, на Петербург, на Москву, на Читинский острог...

2001 – 2021 гг.

26 МАЯ 1829 ГОДА

*Ужель и впрям, и в самом деле,
Без элегических затей,
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?*

А. С. Пушкин

Накануне от Коби, оставив коляску, отправился верхом вместе с полковником Огаревым. Тот осматривал дорогу перед проездом персидского принца.

Перевалили в долину Арагвы. Голые скалы Терека сменились покатыми зелеными склонами. Дорога стала шире. Можно было ехать рядом и разговаривать. Человек Пушкина ехал за ними, ведя в поводу лошадь, навьюченную двумя пушкинскими чемоданами.

Темнело. В горах темнеет быстро.

Огарев обещал Пушкину ночлег у Чиляева, здешнего начальника.

Всё ярче разгорался месяц, и ярче светилась россыпь звезд.

Дорога шла берегом Арагвы, спокойный шум которой был совсем не похож на рев Терека.

В Квешети приехали уже почти в полной темноте, но Огарев уверенно проехал к дому Чиляева. Хозяин вышел, услышав, как они подъезжают. Был он без мундира, подомашнему. Гостеприимно поздоровался с Огаревым. Тот представил ему Пушкина.

– Очень, очень рад. Проходите!

В доме засветились огни.

Расседлали и развьючили лошадей. Чиляевский слуга повел их к стойлам.

Чиляев что-то сказал по-грузински другому слуге. Тот подхватил один из пушкинских чемоданов и, махнув рукой, повел пушкинского человека с другим чемоданом вглубь дома.

В доме Чиляев каждому из гостей указал комнату.

На столе уже стоял подсвечник с зажженной свечой. Пушкин огляделся. Комната была скромно, по-спартански, обставлена, но было чисто. Постель, стол, два стула, шкаф для платья.

Снял шляпу, сюртук, жилет, развязал шейный платок, расстегнул ворот рубашки.

В дверь постучали.

Вошел слуга, неся таз и кувшин с водой. Через плечо было переброшено полотенце.

Поставив таз на стол, он подождал, пока Пушкин засучил рукава, и стал поливать ему из кувшина. Пушкин вымыл руки, умылся, смочил волосы... Хорошо!

– Спасибо, братец.

Тот ответил ему по-грузински, подал полотенце, потом полотенцем же протер забрызганный стол и вышел.

Пушкин подошел к раскрытому окну. Шумела Арагва. В ночном небе светились звезды.

Послышался голос Чиляева:

– Александр Сергеевич, прошу поужинать!

Ужинали жареной бараниной с пряной грузинской зеленью, запивая кахетинским вином.

Разливая вино из большой бутылки, Чиляев сказал:

– А что!? Ведь не хуже какого-нибудь сен-жюльена.

После ужина сразу разошлись по комнатам.

Пушкин лег и тут же заснул, не успев даже ни о чем подумать.

Проснулся с мыслью: «Вот и тридцать... Ужель мне скоро тридцать лет?... А вот они...».

Встал, открыл окно. Хорошо! «Благорастворенный воздух», как пишут любители сельской природы! Воздух и вправду хорош. Солнце уже освещает верхушки зеленых гор. Всё так же шумит Арагва.

В доме слышалось движение. Со двора тянуло запахом жареной баранины.

Завтрак был похож на вчерашний ужин: баранина, зелень, кахетинское.

Чиляев провел пушкинского человека на кухню и распорядился, чтобы его как следует накормили. Потом чиляевский слуга помог оседлать и навьючить лошадей.

Огарев остался у Чиляева ожидать персидского принца, который, по последним известиям, должен был сегодня здесь проезжать. Пушкину сказал:

– Поезжайте спокойно, Александр Сергеевич! Дорога здесь одна, не собьетесь, и здесь не балуют. До Пайсанаура верст двадцать будет. Там – пост. Смэните лошадей.

– Обратно будете ехать, милости прошу! Буду рад, – Чиляев дружески пожал Пушкину руку.

Утро было превосходное. Зеленая долина Арагвы радовала глаз.

Незаметно доехали до Пайсанаура. Опять расседывали и развьючивали лошадей. Мимо, по дороге, позвякивая колокольчиками, прошел караван навьюченных мулов. Каждый из них был привязан к идущему перед ним.

За новыми лошадьми послали на пастбище. Надо было ждать. Пушкин сказал человеку, что пойдёт вперед пешком. Пусть поведет его лошадь в поводу и догоняет.

Идти было легко. Дорога неприметно понижалась, следуя течению Арагвы. Она то приближалась к реке, серебром отблескивавшей на солнце, то отходила от нее.

Несколько верст шел, никого не встречая.

Расстегнул сюртук и жилет, снял шляпу, понес в руке. Это тебе не Невский проспект!

Подумал: вот она свобода! Ни петербургской толпы, ни московских тетушек. Усмехнулся – ни тебе голубых мундиров. В тридцать лет оказался на свободе! Подкинул шляпу, поймал её. И никому нет дела. Хорошо!

Впереди, на склоне, среди зелени показался остроконечный купол какого-то храма.

На одном из поворотов дороги увидел несколько стоящих экипажей и вокруг них русских и персидских всадников. Из передней коляски выглянул молодой, по-восточному красивый, человек и кивнул Пушкину, – вероятно, удивился, увидав человека в европейском платье, идущего пешком по этой дороге.

Пушкин кивнул в ответ и прошел мимо.

Около одного из экипажей возились несколько человек, очевидно, что-то поправляя.

Вдруг подумал, что лошадей-то в Пайсанауре могут забрать под принца. Но всё равно делать было нечего.

Вскоре дошел до Ананура.

На склоне долины над Анануром возвышались стены то ли замка, то ли монастыря с величественным храмом, остроконечный купол которого он видел издали.

Верст двадцать прошел, не меньше. Отдохнуть, подождать лошадей, зайти пока в духан, но вспомнил, что денег с собой нет. Кошелек упакован в чемодан. Не собирался в дороге ничего покупать. В кредит здесь не возьмешь. Присел на скамейку около духана.

Лошади не приходили.

Вышел духанщик.

– Господин дорогой, что на солнце сидишь? Заходи!

– Денег нет. Лошадей жду. Деньги – там.

– Заходи!

Пушкин зашел в полутемное помещение, пропитанное запахами кавказской кухни.

Духанщик обмахнул полотенцем стол, придвинул стул.

– Садись, господин дорогой!

Постелил на стол что-то вроде салфетки, положил ложку, принес стакан красного вина, горячую круглую лепешку и миску с густой мясной похлебкой.

– Кушай, господин дорогой! Такого харчо ни у кого не найдешь!

Пушкин положил шляпу на соседний стул, снял сюртук, повесил на спинку стула.

Похлебка была очень острая, но вкусная. Отламывал куски от лепешки. Запивал вином.

Усталость ушла.

– Хороший харчо?

– Очень вкусно. Спасибо!

– То-то!

Пушкин отколол от шейного платка серебряную булавку.

– Вот! Вместо денег!

Духанщик отступил на шаг.

– Господин дорогой, ты – мой гость. Какие деньги!

– Тогда – в подарок.

Духанщик сказал, что дальше по дороге будет Душет, уездный город.

– А далеко ли?

– Пешком не ходил, а верхом – не далеко. Но верст десять будет.

– Пожалуй, пойду. Спасибо за гостеприимство!

– Всегда милости прошу, господин дорогой... Только Душет, он не прямо на этой дороге, а в стороне. Там к нему своя дорога, но недалеко. Его видно.

Шлось опять легко – вниз по долине Арагвы. Глядя на зеленые склоны долины, невольно вспоминал голые теснины Терека.

Верст десять, пожалуй, уже прошел, но признаков города и ответвлений дороги не было. Начинало темнеть. Послышался лай собак. Может быть, в Душете? Или просто пастушеские?

Наконец, действительно, пошла направо дорога. Она уходила от Арагвы вверх по склону. Правда, в сумерках разглядеть вдали было уже ничего невозможно, но слышались звуки, говорившие о присутствии людей.

В гору идти было уже не так легко, да и пройденные версты давали о себе знать, но ничего другого не оставалось.

В свете яркого месяца впереди на дороге что-то блеснуло. Подошел – оказалась жидкая грязь. Какой-то источник пересекал дорогу и стекал по ней. Было скользко. Ноги проваливались в промоины. Хорошо, что в сапогах. Наконец, вышел на сухую дорогу. Впереди показались строения.

Было почти совсем темно, но спасибо месяцу!

У одного из ближних домов увидел мужскую фигуру, окликнул. Тот что-то ответил по-грузински.

Подумал: «Постоялый двор вряд ли есть... Город... Должен быть городничий».

– Го-род-ни-чий, – сказал раздельно. – Проводи. Заплачу.

Мужчина понял.

– Идем.

Дошли до дома, выделявшегося среди соседних строений. Как и другие, он стоял на склоне, и большая терраса, вроде балкона, окружала его, опираясь на столбы. В доме было темно.

Провожатый постучал в калитку и несколько раз громко крикнул. Наконец, на террасе появилась какая-то фигура и спустилась к ним. Несколько минут шло объяснение по-грузински на повышенных тонах.

Тем временем в окне засветилась свеча, и на террасу вышел, видимо, хозяин дома. Слуга, встретивший их, кажется, объяснил ему, в чем дело. Тот что-то кратко сказал, слуга отворил калитку и повел их на террасу.

Пожилой грузин в наброшенном на плечи мундире оглядел Пушкина, поздоровался по-русски и спросил, что ему угодно.

Понял, что это и есть городничий.

– Ночлег, стакан вина и абаз вот ему.

Городничий еще раз внимательно, насколько это было возможно в темноте, оглядел Пушкина, достал из кармана мундира кошелек, вынул монету и отдал пушкинскому проводнику, что-то сердито выговаривая ему по-грузински. Тот сразу ушел.

Прошли в комнату, где горела свеча. Городничий уже при свете снова внимательно оглядел Пушкина и молчал. Пушкин решительно снял сюртук, бросил шляпу на стол. На лице городничего выражались недоумение и недоверие. Пушкин вынул из кармана жилета дорожную и протянул ему.

Городничий развернул бумагу и поднес к свече. Недоверие пропало с его лица. Вернув дорожную, спросил:

– Почему пешком?

– Лошади должны были догнать, но пока не догнали. Придут – отдам абаз.

– Не надо.

Пушкин тем временем сел на стул и начал стаскивать грязные сапоги.

Городничий что-то сказал слуге, стоявшему тут же. Тот поклонился и вышел.

– Вот диван. Отдыхайте, – городничий тоже вышел.

Слуга принес туфли с загнутыми носами, таз и кувшин.

После умывания ушел, забрав с собой сапоги.

Еще раз вернулся, неся стакан вина и подмышкой одеяло и небольшую подушку.

– Спасибо!

Тот ответил по-грузински, поклонился и вышел.

Комната была не очень уютная, но не жить же в ней, до утра только.

Выпил вино, разделся, посмотрел на часы. Уже половина первого!

Усмехнулся: вот и тридцать первый год пошел.

Задул свечу, лег, вытянул уставшие ноги.

Закрыв глаза...

Он всё шел и шел, но почему-то не двигался с места... Из сумерек выплыла тонкая женская фигура в бальном платье... Никак не мог разглядеть лицо...

Среди ночи проснулся... Проклятые блохи!.. У Чилева их не было.

2021 г.

ДВА ДНЯ В АПРЕЛЕ 1835 ГОДА

7 апреля

Сняв свою камер-юнкерскую шляпу, Пушкин стряхнул с нее снег. Никита принял у него шубу и тоже встряхнул ее. На полу сразу образовались лужицы. Пушкин сел, и Никита, стянув с него сапоги, сказал:

- Надень, Лександр Сергеич. Нарочно у печки грел.

Пушкин с удовольствием всунул ноги в теплые домашние туфли.

- Спасибо, Никита!

Прошел в гостиную. Навстречу ему из своей комнаты вышла Наташа.

- Христос воскрес!

- Воистину воскрес, Наташенька!

Троекратно поцеловал ее.

- Не замерз?

- Нет, но метет, как в степи. Сестры еще не вернулись?

- Нет. Думаю, может, за ними карету послать?

- Боюсь, что карета и не проедет. Сейчас хорошо тем, кто до сих пор поленился пересест с полозьев на колёса. Вот тебе и апрель! Хорошо, что я пешком пошел. У дворца карет – столпотворенье. Вязнут в снегу. А на Миллионной дворники тротуары чистят, и у австрийского посольства – тоже. Можно пройти.

- Первый раз я не была на пасхальной службе.

- И хорошо сделала. Куда тебе сейчас с твоим брюхом? Да в такую погоду! Ты же уже и говела, и причастилась. А помолиться ты и дома помолишься. Небось всю ночь на коленях простояла?

- Нет. Я даже уже и поспала.

- И хорошо.

В прихожей слышались голоса сестер, громко радовавшихся, что, наконец, попали в тепло.

Поздоровавшись и похристосовавшись, они побежали в свою комнату переодеваться.

Направляясь вслед за сестрами, Наташа сказала:

- Через час будем обедать.

- Хорошо.

Пушкин пошел в кабинет, снял мундир и надел халат. Выйдя из кабинета, прошел через комнаты, окна которых выходили на Неву. По набережной и по реке мело.

Дошел до детской. Маша и Саша сидели за своим маленьким столом, ели.

- Христос воскрес!

- Воистину воскрес! – откликнулась нянюшка. Дети тоже пытались что-то сказать с набитыми ртами.

Пушкин засмеялся. Обоих поцеловал.

- Ешьте, ешьте!

Похристосовался с нянюшкой. Она смутилась. Он улыбнулся и вышел.

В кабинете прилег, было, на диван, но встал, подошел к столу, который был почти весь завален бумагами, которые были ему нужны, пока он писал «Путешествие в Арзрум». Четыре дня, как кончил.

Сверху лежала одна из тетрадей, в которой писал во время поездки. Открыл ее, взял перо, обмакнул в чернильницу и тут же на свободном развороте написал:

*О люди! низкий род! достойный слез и смеха
Жрецы Минутного, поклонники Успеха.*

Пожалуй, начало. Дальше что-то пока ничего.

Снова лег на диван.

Вернулся памятью во дворец.

Всё было, как всегда, как положено по церемониалу. Вместе с другими придворными в Кавалерском зале ожидал выхода императорской семьи. При ярком освещении сверкало золотое шитье на мундирах мужчин и платьях дам, которые казались прекрасными цветами в окружении мундиров. Стоял отдельно. Ни князя Вяземского, ни

Смирнова, с которыми обычно общался, не было. Оба - за границей. Был граф Бобринский, но они только поздоровались. Граф был при исполнении служебных обязанностей – церемониймейстер.

Возникло какое-то движение. Появился Бобринский, разговоры смолкли. Он сделал рукой приглашающий жест, и все потянулись к выходу из зала, выстраиваясь в должном порядке.

Не торопился. Предстояло идти почти в самом конце, в паре с Ремером, вместе с которым он одним указом был пожалован в камер-юнкеры год назад.

Когда императорская семья подошла ко входу в церковь, увидел возвышающуюся почти над всеми голову царя. Как всегда во время официальных церемоний, Николай был очень монументален. Александра Федоровна рядом с ним казалась миниатюрной. В какой-то момент царь выступил вперед и был виден во весь рост – в высоких сапогах, белых лосинах и строгом генеральском мундире с андреевской лентой через плечо.

Поймал себя на том, что царь своей статью и костюмом кого-то напомнил, кого недавно видел, но не мог вспомнить – кого.

Всю заутреню простоял недалеко от входа в церковь. Придворные из последних рядов уже не помещались в нее. Слышно было хорошо. Речитатив митрополита сменяли ангельские голоса певчих.

Между заутреней и литургией императорская семья вышла из церкви и принимала поздравления от придворных и офицеров. Опять мог разглядеть царя, и опять он кого-то напомнил. Но это было мимолетно.

Отслушав литургию, императорская семья отправилась на свою половину, и процессия придворных сопровождала их.

Освободившись, не торопился уходить, переживая толкотню на выходе из Комендантского подъезда. Прошел в Военную галерею. Нравилось здесь. Сегодня еще до церемонии уже успел зайти в неё, и сейчас, не спеша, в который раз всматривался в эти столь разные лица. Кое-кого просто встречал, а кое-кого знал хорошо. Вот лихой Денис с седеющим чубом... Суровый, в мужественном повороте, Ермолов... Николай Николаевич Раевский...

Остановился у выхода из галереи в Гербовый зал. По обе стороны дверей – в полный рост – Кутузов и Барклай де Толли. Рядом, но разделенные проходом. Как и в судьбе – рядом, но разделенные...

Кутузов - в шинели, подбитой мехом, на фоне зимнего пейзажа – свидетеля бегства наполеоновской армии.

Барклай – в мундире... Так вот на кого похож Николай! Тот же генеральский мундир с андреевской лентой, те же белые лосины и высокие сапоги, та же статья. И совсем разные. Лица – разные. И дело не в том, что у Николая волос побольше и усы. И не в том, что у Николая глаза – светлые, а у Барклая – темные. В самом выражении лица: Николай – монумент, а Барклай – уверенный в себе, твердо стоящий на земле, но – человек. С думающим серьезным взглядом, с порою как бы мелькающей улыбкой на губах: то вроде она есть, то вроде – нет.

Долго стоял перед Барклаем. Как же он перенес двенадцатый год?! И недоверие, и чуть ли не обвинение в измене, и отстранение от командования. А потом – возвращение. Вот таким, как на портрете, он и вошел в Париж. Тогда уже – и граф, и князь, и все его славят...

Наконец, вышел из Военной галереи, спустился к Комендантскому подъезду, получил свою шубу и вышел из дворца. По Дворцовой площади мело. Кареты едва пробивались через снежные заносы. Поднял воротник и свернул на Миллионную. Дворники ожесточено чистили тротуары, снег их опять заносил, но пройти было можно. У французского посольства было совсем чисто. Правда, через Суворовскую площадь пришлось перебираться, но на набережной у австрийского посольства было опять чисто.

Усмехнулся: «Спасибо Фикельмону!». Мимо Летнего сада тоже было непросто пройти, а там уже – через Фонтанку, и дом – рядом...

В дверь постучали, и вошел Никита:
- Лександр Сергеич, просят к обеду.

16 апреля

Пушкин проснулся от непонятного шума. Обычно в кабинете его, выходящем окнами во двор, всегда было тихо. Ему это нравилось. Ничто не отвлекало. А сейчас слышался какой-то гул и порою даже скрежет.

Пушкин встал, подошел к окну. Уже светало. Во дворе было пусто.

Надел халат, вышел в гостиную.

Всё стало понятно. Нева вскрылась. Несла льдины, наползавшие друг на друга и порой скрежетавшие о камни набережной.

Ну вот и весна, наконец!

От той пасхальной зимы уже ничего не осталось. Тепло, дожди и туман съели весь снег. В Летнем саду деревья еще голые, но кусты уже обрызганы зеленью.

Вернулся в кабинет, лег, как был – в халате. Уже не спалось. Вспомнил пасхальный снегопад, дворец, Военную галерею. Пожалуй, лучшее украшение дворца...

Встал, подошел к столу. Арзрумские материалы были уже убраны. Зажег свечу. Взял альбом, бывший с ним в Болдине. Перевернул его задом наперед. Там были еще свободные листы. И начал быстро писать, для скорости даже не дописывая понятные слова. Писать и тут же править:

В чертоге есть палата.

Зачеркнул «*В чертоге*», над зачеркнутым написал «*у Р. царя*», тут же приписал «*в чертогах*»:

*У Руссаго царя в чертогах есть палата
Она не золотом, не бархатом богата*

И дальше писал и правил, писал и правил, писал и правил...

Перешел уже на шестую страницу.

А кончить надо как раз тем, что написал тогда на Пасху, думая, что это будет начало.

Арзрумской тетради под руками не было. Написал по памяти, поправил:

*О люди! жалкий род, достойный слез и смеха.
Жрецы минутного, поклонники успеха!*

Сделал росчерк-концовку и пометил:

*16 апреля
1835.*

И тут же исправил:

*7 апреля
1835.
Светл. воскр.*

Ведь тогда уже начинал, но почему-то не пошло.

Просмотрел.

Как нередко бывало, написал несколько строк продолжения.

Надписал заглавие: «*Барклай де Толли*».

Взял большой лист, сложил вдвое и начал перебеливать, продолжая, конечно, править.

Закончив, пометил:

7 апр. 1835.

Светл. воскр.

С. П. Б.

Мятедь и мороз

Не заметил, как прошло время. За окном было уже совсем светло.

Задул почти догоревшую свечу.

Вышел в гостиную. Тут же подошла Наташа.

- Работал? Я заглянула, ты даже не заметил. Не стала мешать. Позавтракаешь? А то уже и обед скоро.

- Хороший день! Пожалуй, позавтракаю. А дети видели, как лед по Неве идет?

- Да, я им показала. Очень радовались.

Взял Наташину руку, поцеловал.

- Спасибо Богу, что ты у меня есть.

2021 г.

20 ОКТЯБРЯ 1836 г.

Лежал на диване. Вставать не хотелось. Проклятый кашель начался ночью и насморк, но похоже, что простудился не вчера, а ещё раньше. Вчера у Яковлева, на лицейской встрече, уже чувствовал какую-то слабость, даже стихи не смог прочитать. Погода, конечно, в последние дни: то дождь, то ветер, а три дня назад ночью – почти буря. А ведь в Михайловском он такую погоду как раз любил. Правда, там одеваешься по-другому. Да и верхом лужи не страшны... Но обычная петербургская погода... Просто в последние годы его в это время почти никогда не было в Петербурге – то Болдино, то Михайловское. И писалось в такую погоду хорошо.

Негромко постучав в дверь, из детской вошла Наташа.

- Ну как?

- Да ничего, только кашель вот.

Она приложила ладонь к его лбу.

- Жара, слава Богу, нет.

Пушкин поймал её руку и поцеловал. Наташа улыбнулась.

- Всё-таки сейчас пошлю за Спасским.

Она вышла.

Через час в сопровождении Наташи в кабинет вошел Спасский, как всегда, уверенный и громкоголосый.

- Александр Сергеевич, что же это вы? Я уж не помню, когда я вас от чего-нибудь лечил.

- Здравствуйте, Иван Тимофеевич!

Наташа не ушла, осталась.

Спасский придвинул к дивану стул, сел и поставил рядом на пол свой докторский портфель. Попросил Пушкина повернуться лицом к окнам и посмотрел его горло. Пощупал лоб. Достал из портфеля небольшую трубку и попросил Пушкина расстегнуть халат. Долго слушал, прикладывая трубку к груди в разных местах, пережидая пока Пушкин откашляется.

Наташа тревожно смотрела на них.

Спасский убрал трубку.

- Наталья Николаевна, не волнуйтесь! Опасного, слава Богу, ничего нет, а с кашлем и насморком мы справимся.

Он перешел к столу, сел в кресло и, чуть-чуть отодвинув пушкинские бумаги, достал из портфеля небольшой листок и написал рецепт.

- Вот – принимать каждый час. Завтра заеду ещё.

Спасский протянул рецепт Наташе.

- До завтра, Александр Сергеевич!

- Спасибо, Иван Тимофеевич!

Задержавшись у двери, Спасский сказал:

- Двери плотно закрывайте, а то - сквозняк. Они у вас прямо одна против другой. А сквозняк сейчас совсем ни к чему.

Наташа проводила Спасского и вернулась.

- Никиту в аптеку уже послала.

- Помоги мне.

С Наташиной помощью устроился на диване полусидя-полулёжа, опираясь спиной на поднятую подушку.

- Вот и хорошо.

Подтянул поближе стоявшую у дивана конторку.

- И дай, пожалуйста, рукопись – вон там слева на столе. Спасибо!

Наташа ушла в детскую.

Пушкин положил переписанную начисто вторую часть «Капитанской дочки» на колени и стал внимательно просматривать, откладывая просмотренные листы на конторку. Изредка все-таки кое-что поправлял. Только кашель отрывал от работы.

Время проходило незаметно.

Снова вошла Наташа, уже неся рюмку с микстурой.

- Выпей! Я буду приносить, а то ты забудешь.

- Спасибо, душа моя!

Через какое-то время раздался стук в дверь из прихожей. Вошел Никита.

- Александр Сергеич – записка, и просят сразу ответ.

Записка была от князя Одоевского, который спрашивал, не сможет ли Пушкин прийти к нему. У него гость из Тифлиса с рукописью, которая может быть интересна для издателя «Современника».

- Никита, дай мне со стола какой-нибудь листок.

Написал: «Я дома больной в насморке. Готов принять в моей коморке любезного гостя — но сам из коморки не выду.

А. П».

Сложил записку, отдал Никите и опять погрузился в рукопись.

Снова приходила Наташа с микстурой.

Через час – новый стук, и вошел Никита.

- Александр Сергеич! Князь Одоевский и господин Титов.

- Проси!

Пушкин отложил рукопись и по возможности повернулся к двери.

- Милости прошу, господа! Простите, что, как старая дама, принимаю вас в постели!

На спутнике Одоевского был сюртук, но чувствовалась военная выправка.

Они поздоровались, и Одоевский представил гостя:

- Николай Павлович Титов из Тифлиса.

- Простите, а Владимир Павлович Титов вам не родственник?

- Брат.

- Ну, тогда мы почти знакомы... Берите, пожалуйста, стулья! Простите, что заставляю вас самих этим заниматься.

Гости сели около дивана.

- Вы давно из Тифлиса?

- Выехал в конце сентября. Я уже почти две недели в Петербурге.

- И князь, значит, прятал вас от нас? – Пушкин засмеялся. – И что же вы привезли из этого замечательного края?

Титов открыл принесенный им портфель и вынул довольно объемистую рукопись.

- «Неправдоподобные рассказы Чичероне дель К.....о», - прочитал Пушкин название. - И о чем же эти рассказы?

- Александр Сергеевич, это роман в трех частях или вернее – нечто в трех романах, - вступил Одоевский. – Первый том мы уже готовим к цензуре. Николай Павлович доверил мне редактирование. Мне кажется, что вы могли бы выбрать что-то для журнала, и это к тому же привлекло бы внимание публики к роману, когда он выйдет. Думаю, что лучше всего взять из первой части, поскольку она первой и выйдет. В ней действие происходит на Балканах во время турецкой войны. Но посмотрите сами - как вам покажется. А в третьей части, между прочим, - Кавказ. Мне даже показалось, что эта часть в чем-то перекликается с вашим «Путешествием в Арзрум».

В этот момент в кабинет вошла Наташа с микстурой.

- Здравствуйте, господа! Простите, что прерываю вашу беседу. Александру Сергеевичу надо принять лекарство.

Гости встали.

- Здравствуйте, прекрасная Наталья Николаевна, - сказал Одоевский.

Титов молча поклонился.

Одоевский с улыбкой наблюдал за своим спутником, который не мог оторвать взгляда от Наташи, и на лице его отражалось буквально потрясение.

Пушкин выпил микстуру. Наташа еще раз с улыбкой попросила прощения и вышла. И её улыбка, кажется, лишила Титова дара речи.

Да, Одоевский тоже пережил нечто подобное при первой встрече с ней. Постепенно привык, не переставая восхищаться.

Гости сели.

- Если князь так вас рекомендует, то я заранее соглашаюсь на такое предложение, - сказал Пушкин. – Оставьте мне рукопись дня на два и приходите, например, послезавтра в любое удобное для вас время. Я, как видите, всё время сейчас дома. Всё обсудим. Князь, а кому на цензуру собираетесь отдавать?

- Петру Александровичу Корсакову.

- Хорошо. Лучшего я вам и не посоветовал бы. Я сам сейчас передаю ему небольшой роман.

- А о чем роман, Александр Сергеевич?

- Пока цензуру не пройдет, говорить не хочу.

Гости стали прощаться:

- Не будем утомлять вас, Александр Сергеевич.

Титов убрал рукопись в портфель и оставил его около дивана. Пушкин пожал им руки, и они вышли, а он снова погрузился в свой роман.

Спускаясь по лестнице, Титов сказал:

- Что же вы меня не предупредили?

Одоевский улыбнулся:

- Я же не знал, что она ему лекарство принесет. Но ничего – не вы первый и, думаю, не последний. Это она ещё просто, по-домашнему. А видели бы вы её на каком-нибудь балу!

- Нет, не надо на балу. Такая красота в доме! Она достойна Александра Сергеевича.

- А кое-кто считает, что он её не достоин.

- Ну, это уже совсем глупости.

Они вышли на набережную и пошли к Конюшенному мосту.

2021 г.

15 ДЕКАБРЯ 1836 г.

Принесли записку от Тургенева:

«Брат пишет ко мне из Парижа, что лингвист Эйхгоф будет читать лекции в Сорбоне о литературе, что он весьма желает иметь — Песнь о Полку Игоревом и не мог найти ее на немецком. Он бы и на русском мог разобрать ее; но русского оригинала там и подавно найти трудно.

Не можешь ли ты уведомить меня какой перевод лутче или какое издание из русских удобнее послать туда?

Завтра ввечеру едет курьер, и я бы желал им воспользоваться. Что выписать для тебя?»

Что о «Слове» будут говорить в Сорбонне – это хорошо. Надо с древней нашей литературой знакомить. А книгу для Эйхгофа найдем – Вацлава Ганки. Там и подлинный текст, записанный латинскими буквами, и переводы. Два экземпляра есть, один отдам.

Достал книгу с полки, выложил на стол.

Коли Александр Иванович до обеда не пришел, значит весь в визитах. Непоседа.

Вернулся к черновику письма барону Баранту. Барон интересуется авторским правом в России и счел, что лучше Пушкина никто ему об этом не расскажет. Старался писать кратко и ясно.

Услышал знакомый громкий голос, спрашивавший: дома ли Александр Сергеевич.

Придется письмо закончить завтра.

Придвинул к столу стул. Вышел в переднюю.

- Дома, дома... Здравствуйте, Александр Иванович!

- Здравствуй, Александр Сергеевич!

Тургенев положил на столик шляпу и пакет. Никита снял с него шубу.

- Проходите!

Разрумянившийся от холода, Тургенев вошел в кабинет, потирая озябшие руки. Пушкин с улыбкой смотрел на него: олицетворенное жизнелюбие. Выглянул в переднюю.

- Никита, попроси Наталью Николаевну, чтобы приготовили чай.

- Садитесь Александр Иванович! А вот Вам и книга. У меня их две оказалось. Помоему, это лучше всего. Здесь и подлинный текст, причем латинскими буквами, и два перевода. Можно, конечно, еще посмотреть перевод Шишкова, но до завтрашнего дня

вы его вряд ли найдете, да и орехов, на мой взгляд, много. Попробую издать «Слово» заново. Там всё это укажу.

Засмеялся:

- Но, пожалуй, при жизни Шишкова лучше не издавать – обидится, потому что другие смеяться будут. А издавать нужно, как Шлёцер своего «Нестора» издавал. Надо сопоставить все возможные источники. Неясные слова нужно проверять – нет ли их в других славянских языках, где они могли сохраниться, исчезнув уже из русского.

- Александр Сергеевич, а что думаешь о подлинности «Слова»? Многие сейчас сомневаются.

- Не сомневаюсь. В частности, именно благодаря многим славянским корням. Наш современник не смог бы всё это подделать. Между прочим, тот же вечный критик и скептик Шлёцер сначала, узнав о «Слове», счёл его подделкой, а прочитав, признал его подлинность.

Пушкин ещё долго рассказывал о разных интересных выражениях в «Слове», но из детской, тихо прикрыв за собой дверь, вошла Наташа.

- Здравствуйте, Александр Иванович!

- Наталья Николаевна, позвольте, - Тургенев, сама галантность, вскочил, поклонился и поцеловал ее руку.

- Прошу вас в столовую. Чай приготовлен.

Проходя через переднюю, Тургенев остановился.

- Наталья Николаевна, а можно просить вас о любезности?

- Слушаю вас, Александр Иванович.

Тургенев взял со столика пакет.

- Я тут приготовил подарок для жены Николая Ивановича с тем, чтобы отправить его с французским курьером в Париж. Д'Аршиак говорил, что курьер отправится завтра. Сегодня зашел к Д'Аршиаку, чтобы передать пакет, а оказалось, что курьер поедет послезавтра. Вот и ношу пакет с собой. А вас хочу попросить, чтоб взглянули, достоин ли подарок всех этих хлопот.

- Конечно, с удовольствием взгляну, хотя, зная вас, ни минуты не сомневаюсь в том, что подарок – достойный.

- Между прочим, этот Д'Аршиак – приятный человек.

- Пожалуй, - отозвался Пушкин.

- Мы с ним полчаса беседовали о Бурбье на михайловской сцене и о мадам Ансело.

Самовар стоял на столе. Наташа разливала чай.

- Наталья Николаевна, не могу забыть видение 6 декабря во дворце. Вы были прекрасны.

- Полно, Александр Иванович! Там было много красивых дам.

- Нет, нет! Не спорьте!

За чаем разговор зашел о Чаадаеве, которого Тургенев видел три недели назад, перед выездом из Москвы.

- Бедный, - сказала Наташа. – Как он это всё переносит?

- Сначала очень тяжело, но все-таки стойко. Его же и свои московские литераторы оспаривали, да я и сам, но, конечно, никто сумасшедшим его не называл. Когда я уезжал, он уже был спокойнее.

- Я тоже ему письмо написал, - сказал Пушкин, - но, к счастью, не успел отправить. После чая вам прочту.

Вернулись в кабинет.

Пушкин вынул из ящика стола оттиск статьи, присланный Чаадаевым, с заложенным в него письмом. Письмо было писано по-французски. С Чаадаевым – только так.

Тургенев слушал, временами согласно кивая головой, и, когда Пушкин закончил чтение, сказал:

- Совершенно согласен, Александр Сергеевич. Как можно говорить о ничтожестве нашей истории? Уже поглощение татарского нашествия, спасшее ту же самую Европу и позволившее ей развиваться, заботясь только о внутренних событиях... И последующее усиление и укрепление России при всех внешних угрозах... И вхождение в Европу при Петре, Екатерине, Александре... Не раболепное вползание, а именно вхождение.

- Меня можно, конечно, обвинить в домашнем патриотизме, но вот всё тот же Шлёцер...

Пушкин встал, быстро подошел к полкам и, почти не глядя, достал какую-то книгу.

- Этот чистокровный немец, германский профессор, впитавший всю европейскую культуру... вот что он писал еще лет семьдесят назад.

Пушкин нашел нужную страницу:

«Какое ужасное понятие представляет Русская древняя история! Я почти теряюсь в величии онаго! История такой *земли*, которая составляет 9ю часть обитаемого мира и в два раза более Европы; такой земли, которая в два раза обширнее древняго Рима, хотя и называвшагося обладателем вселенныя; - история такого народа, который 900 уже лет играет важное лице на театре народов и теперь обладает от Ледянаго моря на юг до Бальтийскаго, Каспийскаго и Байкала, а на восток от Киммени, Двины и Днепра до Анадыра, Авачи и ложа Авроры; - история державы, соединяющей под своим скипетром Славен, Немцов, Финнов, Самоедов, Калмыков, Тунгузов и Курильцев, народы совершенно различных языков и племянн, и соседящей с Шведами, Поляками, Персами, Бухарцами, Китайцами, Японцами и североАмериканцами дикарями; - история России, сего настоящаго розсадника народов, из южных части которыя вышло толико народов, разрушивших и основавших целые царства. Разкройте летописи всех времен и земель и покажите мне историю, которая превосходила бы или только равнялась с Рускою! Это история не какія нибудь *земли*, а целыя *части света*, не *одного* народа, а *множества* народов, которые различаясь между собою языком, религіею нравами и происхождением, соединены под одну державу завоеваниями, судьбою и счастьем.

Руская история вообще, как я докажу, есть I. Безконечно *пространна*, по множеству или со всем неописанных, или недостаточно описанных народов, составляющих части сего великаго целаго, члены сего исполинскаго политическаго тела. II. Чрезвычайно *важна*, по непосредственному влиянію на всю прочую, как европейскую, так и азиатскую древнюю историю. III. Очень *верна*, по богатству своему в достоверных времянниках и прочих исторических источниках, и пр.»... Вот так-то.

Поставил книгу на полку.

Пришла Наташа. Протягивая Тургеневу пакет, сказала:

- Александр Иванович, конечно, и туфли – изящные, и платки - очень красивые. Я в этом и не сомневалась. Простите, я только их немного по-другому уложила.

- А я и смотрю – пакет почти вдвое меньше стал. Теперь его уж обязательно примут в посольстве. Наталья Николаевна, вы – не только красавица, вы – ещё и рукодельница. Завидую Александру Сергеевичу.

Наташа засмеялась и попрощалась:

- Спокойной ночи!

Тургенев встал и поцеловал ей руку. Она наклонилась к Пушкину, и он поцеловал её в лоб.

- Александр Сергеевич, мы всё о прозе. А новые стихи? «Полководец» в «Современнике» - прелесть.

- В этом году, и правда, больше прозы. Может быть, журнал виноват. Стихов мало. Правда, летом несколько написал.

Засмеялся:

- Мое время прошло, как пишут в газетах. Сейчас в моде – Бенедиктов да Ростопчина... Но одно вам прочту.

Помолчал, словно припоминая.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокой век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

- Александр Сергеевич, нет слов, как хорошо. И всё так и будет... А «Милость к падшим призывал» - это о них?

- Да. Вчера было 14 декабря. В этот день всегда вспоминаю о них. Самый близкий друг - там.

- Я – тоже. И, конечно, о брате. Брату повезло, что он был за границей, тоже оказался бы там.

Пушкин усмехнулся.

- Не только мы вспоминаем. Во дворце в этот день каждый год - благодарственный молебен. Слава Богу, камер-юнкеров не приглашают.

- Грибоедов мог попасть туда же – оправдали. Вроде бы Ермолов предупредил его об аресте, и он сжег все бумаги.

- Думаю, что Ермолов и себя спасал. Он же тоже все время был у царя на подозрении.

Поговорили о других, кого миновала кара. О Михаиле Орлове, которого сумел защитить перед царем брат, о Павле Киселеве, под крылом которого существовало Южное общество, о князе Меншикове, который выступал за освобождение помещичьих крестьян. Все они были на подозрении и, может быть, не зря. Ожидали, как развернутся события.

Проговорили допоздна, расставаться не хотелось, и, когда Александр Иванович собрался все-таки уходить, была уже почти полночь.

Пушкин вышел с ним в переднюю. Сонный Никита надел на Тургенева шубу.

- Александр Иванович, может быть послать кого-нибудь проводить вас?

- Нет, спасибо! Тут же рядом, и сторожа почти у каждого дома. Не впервой.

Крепко пожали друг другу руки.

Тургенев шел по набережной Мойки. С Невского доносились голоса кучеров. Было морозно, но ветра не было. Боялся только поскользнуться.

Дойдя до Демута, прошел в свой номер, бывший тут же на первом этаже, с окнами на Мойку. В номере было тепло. Дремавший камердинер помог ему раздеться и зажег в комнате Тургенева свечи.

Прежде чем лечь, Александр Иванович занялся своим обязательным ежевечерним делом. На столе лежала большая, как конторская книга, тетрадь – его дневник, а сегодня еще и начатое позавчера письмо брату.

Начал с письма:

«Полночь. Я зашел к Пушкину справиться о песне о Полку Игоре, коей он готовится критическое издание. Он посылает тебе прилагаемое у сего издание оной на древнем русском (в оригинале) латинскими буквами и переводы Богемский и польский; и в конце написал и свое мнение о сих переводах. У него случилось два экземпляра этой книжки. Он хочет сделать критическое издание сей песни, в роде Шлецерова Нестора, и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: все основано на знании наречий славянских и языка русского. Жена его так хорошо уложила три платка с туфлями для Клары, что, вероятно, пакет примут в посольстве. Я провел у них весь вечер в умном и в любопытном разговоре и не поехал на бал к Щербатовым».

Не запечатывая, отложил письмо. Ещё завтра, а может быть, и послезавтра продолжит.

Развернул дневник.

«15 декабря. Писал к Булгакову и послал через него письма к сестрице и к Свербеевой о туфлях и о Шевыреве. У меня сидел Геце; о протестантизме, о переводе сумм и пр. Был у Карамзиных, встретил дочь Опочинина. которая упрекала и звала на понедельник. Осмотрел магазин Гамбса: какая роскошь в мебели! Сидел у Аршияка. С Нерво: о Броглио, Гизо и Тьерсе, с Аршияком о Bourbier и Mme Ancelot. Обедал у Татариновых, вечер у Пушкиных до полуночи. Дал песнь о полку Игореве для брата с надписью. О стихах его, Ростопчиной и Бенедиктова. Портрет его в подражание Державину: “весь я не умру!” О М. Орлове, о Киселеве, Ермолове и князе Меншикове. Знали и ожидали: без нас не обойдутся. Читал письмо к Чадаеву не посланное».

Удовлетворенный, закрыл дневник и пошел умыться перед сном.

А через пять дней писал своей московской знакомой Екатерине Александровне Свербеевой:

«Пушкин мой сосед, он полон идей, и мы очень сходимся друг с другом в наших нескончаемых беседах; иные находят его изменившимся, озабоченным и не вносящим в разговор ту долю, которая прежде была так значительна. Но я не из числа таковых, и мы с трудом кончаем одну тему разговора, в сущности, не заканчивая, то есть не исчерпывая ее никогда. Его жена всюду красива, как на балу, так и у себя дома в своей широкой черной накидке».

2021 г.